

Максимов Владимир Владимирович

РАССКАЗ К. Г. ПАУСТОВСКОГО "ДОЖДЛИВЫЙ РАССВЕТ" В АСПЕКТАХ ТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматриваются методологические и методические возможности тематического подхода к литературному произведению. Представлен анализ тематического своеобразия короткого нарратива (К. Г. Паустовский "Дождливый рассвет") на уровнях организации художественного пространства, времени, действия и символической образности. Отмечается широкий интертекстуальный фон, на который ориентируется автор (русский реалистический роман XIX века, постреалистическая поэтика чеховской прозы, поэзия А. Блока).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 116-119. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

идейно-эстетическими установками Довлатова. Для писателя было важно заинтересовать читателя, в том числе и своей личностью. Целевая направленность довлатовских произведений выдвинуть авторское «я» на передовую позицию – сугубо публицистическая установка.

Исключительность писателя подчеркивают и другие персонажи книги. И с именем каждого из них связана анекдотичная история: дядя Роман сорвал празднование юбилея Грузинской Республики своим выкриком из зала; дядя Леопольд в четырнадцать лет уже спекулировал сигаретами в порту, а к совершеннолетию провернул серьезную аферу – продал дешевую скрипку, выдав ее за работу Страдивари; тетка Мара на бегу врезалась в Алексея Толстого («Ого! – сказал Толстой, потирая живот. – А если бы здесь находился глаз?!» [3, с. 359]). Перечисляя парадоксы из жизни своих родственников, Довлатов не только окружает себя «ореолом» творческой избранности, но и реализует одну из главных тем своего творчества – тему абсурда, ведь именно абсурд «выступает у Довлатова как основа порядка в человеческой судьбе, в отношениях с людьми, в мироздании» [5, с. 611].

Список литературы

1. Бельчиков Ю. А. Интимизация изложения // Русская речь. 1974. № 6. С. 38-43.
2. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М.: Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1954. 468 с.
3. Довлатов С. Д. Наши // Довлатов С. Д. Собр. соч.: в 4 т. / сост. А. Арьев. СПб.: Азбука-классика, 2006. Т. 2. С. 325-445.
4. Зверев А. Записки случайного постояльца // О Довлатове: статьи, рецензии, воспоминания. Тверь: Другие берега, 2001. С. 176-198.
5. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Сергей Довлатов // Русская литература XX века (1950-1990-е годы): в 2 т. М.: Академия, 2008. Т. 2. С. 598-611.
6. Прохореня С. И. Наблюдения над интимизацией повествования в повести В. Астафьева «Печальный детектив» // Поэтика публицистики. М., 1990. С. 78-93.
7. Серман И. З. Гражданин двух миров // Звезда. 1994. № 3. С. 187-192.
8. Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб.: Азбука, 2010. 288 с.

INTIMIZATION OF NARRATION IN BOOK “OURS” BY SERGEI DOVLATOV

Lastochkina Ekaterina Vasil'evna

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
lastochkina@inbox.ru

The author reveals the notion “intimization of narration”. The essence of this technique, extensively used in S. D. Dovlatov’s prose, and in particular in the book “Ours”, is to minimize the communicative distance between the author and the reader. The main narrator’s aim in this case is to “immerse” at most the reader into literary material, using the effect of chat, a certain dialogue in the monologue text. Intimization of narration is one of the journalistic origin manifestations in S. D. Dovlatov’s creative work. Meanwhile the presence of journalistic dominant in the text is a key feature of writer’s idiosyncrasy.

Key words and phrases: intimization of narration; journalistic essence; communicative strategy; communicative distance; dialogue; dialogical engagement.

УДК 82.0

Филологические науки

В статье рассматриваются методологические и методические возможности тематического подхода к литературному произведению. Представлен анализ тематического своеобразия короткого нарратива (К. Г. Паустовский «Дождливый рассвет») на уровнях организации художественного пространства, времени, действия и символической образности. Отмечается широкий интертекстуальный фон, на который ориентируется автор (русский реалистический роман XIX века, постреалистическая поэтика чеховской прозы, поэзия А. Блока).

Ключевые слова и фразы: тематический анализ; эпические жанры; рассказ; время; пространство; действие; герой; символическая образность.

Максимов Владимир Владимирович, к. филол. н., доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
v_v_maksimov@rambler.ru

РАССКАЗ К. Г. ПАУСТОВСКОГО «ДОЖДЛИВЫЙ РАССВЕТ» В АСПЕКТАХ ТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ©

В контексте современного литературоведения тематический анализ художественного произведения обладает парадоксальной методологической репутацией. С одной стороны, он уступает более модным подходам,

а с другой – используется в тех случаях, когда требуется проверенный и надежный способ ориентации в «поэтической реальности».

Одна из определяющих причин такой парадоксальности связана с теоретической неотчетливостью центрального понятия темы. Как правило, используются исключительно описательные и некритические представления о теме как моменте **содержания** литературного текста [4]. В своих наиболее радикальных версиях такое видение темы направляет внимание исследователя на поиск и фиксацию готовых значений, при этом произведение интерпретируется как репрезентация достаточно общеизвестного фрагмента общекультурной картины мира. Основанием подобной методологической установки может быть признано наличие в диахронологическом контексте ряда культурно-исторических эпох и парадигм, которые действительно исповедывали идеологию завершенного смысла и готового значения – весь круг нормативных литературных практик (прежде всего, классицизм). Однако ими не исчерпывается многообразие словесного творчества.

Гораздо реже «тема» осознается как элемент формирующегося художественного смыслового целого литературного произведения, не как данное и наличное, а как заданное и воплощаемое [1]. В связи с этим центральным методологическим вопросом становится вопрос: где тема локализуется? На наш взгляд, здесь нет единого ответа, так как тематизация охватывает все уровни литературного произведения и является магистральным процессом эстетической деятельности. В то же время дифференциация этого процесса позволяет различить как минимум шесть основных аспектов тематизации:

1) на уровне авторской творческой активности, например, в таких формах, как авторская позиция, или шире – мировосприятие и мировоззрение писателя [2; 7];

2) на уровне композиционно-речевого оформления произведения как момент актуализации той или иной позиции или совокупности доминирующих кругозоров и точек зрения, представленных в составе поэтической реальности и распределенных между рассказчиками, повествователями [3];

3) на уровне сюжетно-событийной организации текста как момент моделирования художественной картины мира в целом или различных способов выстраивания иерархии событий и состояний персонажей и героев [6];

4) на уровне рецептивной перспективы текста, предполагающей различные способы интеграции в художественный мир читателей, а следовательно, и возможность распределения тематических аспектов между читателями различных уровней компетенций [9];

5) на уровне системного эффекта, возникающего на пересечении интересов и границ всех участников эстетического дискурса (автора, героя, читателя и т.д.) [8];

6) на уровне проекции темы на культурно-исторический контекст и определенный тип кодирования художественной информации [4].

Такое многоуровневое и многовекторное присутствие темы в поэтической реальности объясняет гибкость и привлекательность тематического анализа. Но это же качество требует тщательного контроля за его операциями и процедурами в ходе анализа литературного произведения. Методическим минимумом в данном случае является использование в анализе не одного, а нескольких, хотя бы двух, аспектов тематизации, что позволяет увидеть произведение с разных точек зрения, чтобы не совершить ошибок в итоговой квалификации тематического своеобразия произведения.

С учетом обозначенных представлений и положений попытаемся предложить тематический анализ небольшого рассказа К. Г. Паустовского «Дождливый рассвет» [5]. Выбор данного текста определяется, прежде всего, тематической парадоксальностью произведения, которая проявляется в целом ряде художественных решений тематических аспектов произведения.

Во-первых, в том, что созданный и опубликованный во второй половине 1945 года, непосредственно после великой Победы, автор по странной причине вообще эту ситуацию и тему обходил стороной. Рассказ не о войне и победе, а о мире и жизни: война не входит в кругозоры героев и повествователя. Забегая вперед, заметим, что такое нарративное замалчивание ожидаемой темы в рамках повествовательной традиции, посвященной теме войны 1941–45 гг., будет достаточно часто встречаться, но только начиная с рубежа 1950–60-х гг. Если вспомнить предшественников такого метода «рассказа о войне не по-военному», то здесь необходимо назвать А. Платонова, автора коротких притчевых историй начала 1940-х гг., например «Неодушевленный враг» или «Одухотворенные люди».

Во-вторых, не только центральное социоисторическое событие победы, но и другие военные ситуации и события не входят в смысловой состав произведения К. Паустовского. В связи с этим ряд деталей, связанных с образами центральных героев, оказывается в дезмотивированной плоскости. Так, скажем, не совсем понятно, какую роль играет в тексте упоминание о том, что главный герой рассказа Кузьмин является майором, а скажем, не лейтенантом или подполковником? В его облике и состояниях постоянно подчеркивается как раз не военное, а штатское, отсутствие коренной связи с пережитым опытом пребывания в обстоятельствах военной реальности. Стоит заметить, что он находится в какой-то совершенно другой по отношению к войне реальности, в своем особом времени и пространстве. Кстате, и героиня произведения изображается в аналогичном по своей модальности хронотопе, но уже не столько экзистенциально-индивидуализированном (как Кузьмин), а культурно-метафизическом. Не случайно она временно живет в доме своего отца-врача, год назад умершего, в небольшом провинциальном городке на волжском берегу и работает временно в местной библиотеке, но мечтает, подобно чеховским героиням, вернуться в Москву.

В-третьих, необходимость тематического уточнения связана с характером центрального сюжетного события и ситуации «встречи – расставания» героя и героини. Сама по себе такая фабульная ситуация является одной из самых распространенных в контексте мировой литературы и может быть квалифицирована как

традиционный формальный схематизм, многократно встречающийся даже в рамках отдельного произведения и способный разворачиваться в различные сюжетно-смысловые перспективы. Чаще всего данный мотив и положение охватывается более широким образно-символическим архетипом Пути как способа моделирования не только жизненного, но и исторического процесса. Решение данной модельной ситуации у Паустовского тоже не лишено оригинальной формы, особенно заметной не только на фоне ближнего (1940-е гг.), но и дальнего (русский реалистический роман XIX в.) историко-литературных контекстов. Чтобы увидеть специфику решений, предложенных писателем, необходимо обратить внимание на то, когда и где, кто и почему встречается, а также – чем завершается эта ситуация в принципе? Перечисленные актантно-хроно-топические аспекты конкретизируются в рассказе следующим образом.

Пространственный аспект: встреча происходит в небольшом заброшенном провинциальном городке (*Наволоки*), когда-то возникшем в излучине Волги, которая, делая крутой поворот, *наволокивала* на отмель песок и ил, в результате чего образовался высокий берег, а позднее и поселение с удобной пристанью. Уже здесь актантная функция передается в произведении не столько человеку, сколько природной стихии – и прежде всего водной (река, такую же роль в тексте выполняет и ночной дождь, заканчивающийся незадолго перед рассветом).

Временной аспект тоже обладает символическим ареалом, так как в отличие от исторического и социального времени, роль которого заметно ослаблена в тексте, природный и метафизический аспекты протекания и восприятия времени обострены. Так, прибытие Кузьмина в Наволоки происходит почти в полночь, а встреча приурочена к ночному (не соларному, а селенному циклу) времени, в связи с этим переход из ночного в предрассветное состояние мира и самосознания героев тоже становится несущей смысловой ориентацией рассказа.

Актантные аспекты характеризуются некоторой парадоксальностью, связанной с тем, что сама встреча происходит по воле и инсценировке третьего персонажа, бывшего мужа героини, который просит Кузьмина завезти ей письмо по пути. Кстати, сам Кузьмин просто направляется после лечения в госпитале к новому месту назначения, и никакой другой задачи у него нет, у героини – тоже; их встреча выглядит как случайная и потенциально существенная, но вот событие ли это для них, повествователя и автора [10]?

Действительно, основной интерес сосредоточен в произведении на вопросе: произошло ли событие встречи, и если да – благодаря чему, а если нет – по какой причине? Встретившись по воле случая, герои продолжают оставаться каждый в своем мире. Находясь в сходных состояниях и положениях – некоторой отрешенности от окружающей реальности и сосредотачиваясь в идеальной действительности, оба героя принадлежат к определенному типу постромантического персонажа, который размещен всегда между идеальным и повседневным, больше живя первым и избегая второго. Этот психоэмоциональный комплекс сильнее выражен в жизнеукладе героини, что в принципе соответствует традиционной позиции романной героини в ситуации randevu. В биографии героя подчеркивается постоянный разлад между внешними и внутренними формами жизнеощущения и самореализации: мечтал об одном – стал другим, выглядит так, а на самом деле иной, экзотическая военная профессия топографа и пр.

Приезжая в Наволоки, Кузьмин попадает в особый хронотоп культурно-символического мира и идиллическое состояние, переживающее момент своего исчерпания и распада (маленький тихий, не задетый войной городок, провинциальный уклад, сад, церквушка, отцовский дом, красивая женщина, с которой хочется связать свою жизнь навек, уклонившись от собственного пути). Ожидая в комнате выхода хозяйки и пытаясь понять тайну ее жизни, он обращает внимание на книгу, лежащую на столе (важно то, что не он, а героиня ее раскрывают на определенной странице), открытую на странице, где живет блоковский текст «Россия» (смысл авторской подсказки: Россия находится и во внешнем мире – госпиталь, Наволоки, Волга и пр., и во внутреннем – в культурно-книжном мире Блока и русского постсимволизма).

Художественная стратегия К. Паустовского, включающая в себя тематизацию, связана с таким образом русской жизни и русского пути, который оказывается в историко-культурном промежутке, обусловленном военным периодом, внутри которого движение вперед на основе наличных форм культурной памяти осмысливается как иллюзорный вариант. Именно это и отличало нарративную позицию Паустовского в контексте военной прозы, хотя было не органично для него самого в других тематических направлениях, где культурная память сохраняла свою онтологическую роль.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 259-318.
2. Белая Г. А. Литература в зеркале критики. Современные проблемы. М.: Советский писатель, 1986. 365 с.
3. Бройтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М.: РГГУ, 2008. 485 с.
4. Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 49-90.
5. Паустовский К. Г. Дождливый рассвет [Электронный ресурс]. URL: <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/rasskaz/dozhdlivyy-rassvet.htm> (дата обращения: 21.03.2013).
6. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
7. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках. М.: Художественная литература, 1972. 548 с.
8. Смирнов И. П. Мегаистория: к исторической типологии культуры. СПб.: Аграф, 2000. 544 с.
9. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / пер. Б. П. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
10. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

STORY "RAINY DAWN" BY K. G. PAUSTOVSKII IN ASPECTS OF THEMATIC ANALYSIS

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

The author considers the methodological and methodical capabilities of thematic approach to the literary work, presents the analysis of short narrative thematic originality (K. G. Paustovskii, "Rainy Dawn") on the levels of artistic space, time, action and symbolic figurativeness organization, and mentions the broad intertextual background on which the author directs his attention (the Russian realist novel of the XIXth century, the post-realist poetics of Chekhov's prose and A. Blok's poetry).

Key words and phrases: thematic analysis; epic genres; story; time; space; action; hero; symbolic figurativeness.

УДК 82.0

Филологические науки

В статье предлагается модель нарративного пространства литературной субтрадиции, созданная на основе типологического подхода. Рассматриваются такие факторы художественного смыслопорождения, как сюжетный (событийный) и композиционный (идеологический). Особое внимание уделяется последнему, который в своих предельных тенденциях конституирует четыре типобразующие позиции героя/персонажа: «критик», «метафизик», «парадоксалист» и «одержимый». Данная модель может применяться как способ аналитического уточнения места отдельных произведений и персональных художественных систем в составе определенной литературной субтрадиции (например, «военной», «деревенской», «городской», «иронической» прозы).

Ключевые слова и фразы: литературная субтрадиция; нарративное пространство; событие; идея; сюжет; композиция; герой; персонаж.

Максимов Владимир Владимирович, к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
v_v_maksimov@rambler.ru

**ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРРАТИВНОГО
ПРОСТРАНСТВА ЛИТЕРАТУРНОЙ СУБТРАДИЦИИ©**

Вопрос о способах исследования отдельных литературных субтрадиций относится к разряду актуальных методологических проблем современной теории литературы. В рамках последнего тридцатилетия эта проблема рассматривается на основе типологического подхода, который существенно отличается от методов описательного классифицирования [10]. Последние стремятся даже разнородные явления и факты увидеть в одной плоскости (стратегия выравнивающей интеграции), в то время как типологический подход даже одноуровневые явления и процессы распределяет по расходящимся рамкам системной рефлексии (стратегия проблематизирующей дезинтеграции). Следовательно, типологический анализ предполагает в качестве методологического минимума учет двух принципиально несовпадающих факторов, взятых по отношению к произведению как основной целостной единице эстетической деятельности и историко-литературного процесса.

Что может выступать в качестве таких аспектов? По мнению ряда авторитетных теоретиков литературы [3; 6; 11; 12; 13; 15], в качестве таких определяющих факторов художественного смыслообразования могут выступать:

1) событийность, которая обнаруживается в способах моделирования событийного ряда произведения и определяет его фабулу и сюжет;

2) идеологичность, которая выявляется в способах конструирования мировоззренческих точек зрения и позиций, влияющих на композицию и архитектонику текста.

Исследователи, сходящиеся в данном методологическом минимуме, различаются только в акцентах: что важнее – события или идеи?

Так, Н. Д. Тамарченко [12] и В. И. Тюпа [13] полагают, что в качестве исходного выступает событийность; в то время как для В. Шмида [15] определяющим является способ построения нарративной перспективы произведения, включающий в себя и идеологические способы оформления и интерпретации событий.

Существует и своеобразная компромиссная позиция, представленная, в частности, в исследованиях С. Н. Бройтмана [3] и И. П. Смирнова [11], в рамках которых речь идет о своеобразной целостно-сращенной единице, построенной на объединении события и идеи.

Учитывая данный контекст теоретико-литературных представлений, будем под нарративным пространством понимать в самом общем виде способ соотношения событийного и идеологического, причем первое в конструируемой типологии определяет горизонтальный уровень (событийный ряд), а второе – вертикальный (градацию идеологических точек зрения и позиций).